

Гарри закрыл глаза и поспешил прочь от них - их любовь к нему наполняла его больше, чем они когда-либо узнают - но он не мог позволить, чтобы им было больно из-за него. Он не мог. *~*~* [Джинни, я бы хотел придумать, что сказать, чтобы тебе было легче. Я могу смириться с тем, что умру, но я не могу смириться с тем, что оставляю тебя в муках. Мне так жаль. Поверь мне, когда я говорю, что знаю, что ты чувствуешь. Я уверен, что никто не знает, что ты чувствуешь, но я надеюсь, что со временем ты будешь вспоминать меня с нежностью. Я хочу, чтобы ты продолжала жить, Джинни. Я хочу, чтобы ты была счастлива, чтобы ты снова влюбилась и когда-нибудь у тебя была своя семья, как бы мне ни было неприятно думать об этом. Я хочу для тебя всего, Джинни, потому что ты дала мне все. Ты не только показала мне, как любить... ты показала мне, как жить. Где бы я ни был, я знаю, что скучаю по тебе, Джинни. И всегда буду. Я оставляю тебе папин плащ-невидимку. Используй ее хорошо - так было написано в записке, когда мне ее отдали. Это единственное, что у меня осталось от моей семьи, и я знаю, что ты позаботишься о нем - как заботилась обо мне".] Гарри оттолкнул письмо, протирая рукой затуманенные глаза. Он не хотел прощаться с Джинни. Он не хотел прощаться ни с кем из них. Громкий храп эхом разнесся по темному дортуару, заставив Гарри опустить голову на стол. В ответ на храп раздался хор еще более громких храпов, и Гарри несколько раз стукнулся лбом о письмо, которое безуспешно пытался написать. В тот вечер ему удалось заснуть до того, как началась симфония Уизли, но сон был омрачен сновидением. Не кошмаром, не гормональным праздником, как это было свойственно его заторможенному мозгу в последнее время, а обычным сном. Они с Джинни шли рука об руку по песчаному пляжу. Теплый летний ветерок ерошил их волосы, и их шаги были единственным звуком на песке, когда они наслаждались солнечным светом.

Для такой короткой сцены сон длился, казалось, очень долго, и Гарри не был уверен, почему это его так беспокоит. Возможно, его подсознание желало того, чему не суждено было сбыться. Возможно, это была надежда, которую зажгли в нем слова Гермионы. Он начал надеяться, что, возможно, ему удастся выжить в этой битве - и он знал, что не может позволить себе роскошь таких мыслей, если не собирается оставаться достаточно сильным, чтобы сделать то, что должно быть сделано. Не стоит заикливаться на мечтах - какими бы приятными они ни были. Ему еще предстояло найти еще один крестраж, прежде чем он сможет даже подумать о финальной битве. Гермиона сказала, что он должен доверять им. Довериться им? А разве он не верил? Дамблдор сказал, что его великая сила - это любовь. Может ли эта любовь означать, что он научится безоговорочно доверять своим друзьям? ...Знать, что кто-то еще действительно будет рядом, чтобы подхватить его, если он упадет? Гарри поднял голову от стола и провел дрожащей рукой по своим непокорным волосам. Он просто не знал, и он слишком устал, чтобы думать об этом дальше. Он чувствовал злость, и сейчас ему некуда было направить эту злость. Если Волдеморт сделал с ним все остальное, неужели он должен был оставить и часть себя? Неужели это только ради злорадства?